Вестник РУДН. Серия: Юридические науки 2026 Т. 30. № 3. 515–527
RUDN JOURNAL OF LAW. ISSN 2313-2337 (Print), ISSN 2408-9001 (Online) http://journals.rudn.ru/law

https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-515-527
EDN: OPGHZL

Научная статья / Research Article

Художественная литература и отражение политико-правовых закономерностей авторитаризма: повесть М.Д. Симашко «Емшан»

А.П. Альбов[1,2], В.Ю. Панченко[1,2,3,4,5] ✉, Е.Н. Пузанкова[2]

[1]Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), *г. Москва, Российская Федерация*
[2]Российская государственная академия интеллектуальной собственности, *г. Москва, Российская Федерация*
[3]Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, *г. Новокузнецк, Российская Федерация*
[4]Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, *г. Москва, Российская Федерация*
[5]Сибирский федеральный университет, *г. Красноярск, Российская Федерация*
✉panchenkovlad@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – обоснование научной ценности обращения к художественной литературе для теории государства и права и выявление политико-правовых закономерностей авторитарного типа властвования, отраженных в повести М.Д. Симашко «Емшан». Исследование построено на использовании общенаучных (анализ, синтез, индукция) и специальных методов, в частности герменевтического и юридико-догматического, позволивших рассмотреть художественный текст как источник правовых идей и интерпретировать их, а также историко-правового метода для реконструкции контекста функционирования политической власти в сюжете. Результатами исследования стала экспликация из художественного повествования закономерностей политического господства авторитарного типа: обретение и удержание власти на основе «права силы»; формирование замкнутой правящей элиты; необходимость постоянной легитимации через внешнеполитические успехи; систематическое устранение ближайших соратников; инструментальное отношение к праву; субъективное одиночество лидера и проблема преемственности верховной власти. Выводом исследования явились умозаключения о том, что повесть «Емшан» представляет собой не только литературный памятник, но и философско-правовое исследование, раскрывающее природу авторитарной политической власти, а отраженные в ней закономерности выходят за рамки конкретного исторического контекста и имеют значение для понимания фундаментальных проблем функционирования политико-правовой организации общества.

Ключевые слова: политическая власть, право силы, мамелюкский султанат, легитимность, правящая элита, инструментальное право, память

© Альбов А.П., Панченко В.Ю., Пузанкова Е.Н., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Вклад авторов: Панченко В.Ю. – концепция и дизайн исследования; Альбов А.П. – сбор и обработка материалов; Пузанкова Е.Н. – обобщение данных, написание текста. Все авторы ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в статью.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания 1-ГЗ-2026 Российской государственной академии интеллектуальной собственности.

Поступила в редакцию: 18 февраля 2026 г.
Принята к печати: 15 июля 2026 г.

Для цитирования:

Альбов А.П., Панченко В.Ю., Пузанкова Е.Н. Художественная литература и отражение политико-правовых закономерностей авторитаризма: повесть М.Д. Симашко «Емшан» // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 3. С. 515–527. https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-515-527 EDN: OPGHZL

Fiction and the Reflection of Political-Legal Patterns of Authoritarianism: M.D. Simashko's Novella "Emshan"

Alexey P. Albov[1,2], Vladislav Yu. Panchenko[1,2,3,4,5] ✉, Elena N. Puzankova[2]

[1]All-Russian State University of Justice, *Moscow, Russian Federation*
[2]Russian State Academy of Intellectual Property, *Moscow, Russian Federation*
[3]Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia, *Novokuznetsk, Russian Federation*
[4]Research Institute of the Federal Penitentiary Service, *Moscow, Russian Federation*
[5]Siberian Federal University, *Krasnoyarsk, Russian Federation*
✉panchenkovlad@mail.ru

Abstract. The aim of the study is to substantiate the scholarly value of examining fiction within the theory of state and law and to identify the patterns of authoritarian rule reflected in M. D. Simashko's novella "Emshan". The research employs general scientific methods (analysis, synthesis, induction) and specialized methods, particularly hermeneutical and legal-dogmatic approaches, which made it possible to treat the literary text as a source of legal ideas and interpret them, as well as the historical-legal which was method used to reconstruct the context of the functioning of political power in the narrative. The study identifies the following patterns of authoritarian political domination reflected in the fictional narrative: the acquisition and retention of power based on the "law of force"; the formation of a closed ruling elite; the need for continuous legitimation through foreign-policy successes; the systematic elimination of close associates; an instrumental attitude toward law; the leader's subjective loneliness; and the problem of succession to supreme power. The article concludes that "Emshan" is not only a literary remove the coma, but also a philosophical and legal study that reveals the nature of authoritarian political power, and that the patterns it depicts transcend the specific historical context and are significant for understanding fundamental issues concerning the functioning of society's political and legal organization.

Keywords: political power, rule of force Mamluk Sultanate, legitimacy, ruling elite, instrumental law, memory

Authors' contribution: V.Yu. Panchenko – conceptualization and study design; A.P. Albov – data collection and processing; E.N. Puzankova – data synthesis and writing of the manuscript. All authors reviewed and approved the final manuscript.

Data Availability Statement. All data generated during this study are included in the article.
Conflict of Interest. The authors declare no conflict of interest.
Funding. The article was prepared within the framework of State Assignment No. 1-GZ-2026 of the Russian State Academy of Intellectual Property.

Received: February 18, 2026
Accepted: July 15, 2026

For citation:

Albov, A.P., Panchenko, V.Yu., Puzankova, E.N. (2026) Fiction and the Reflection of Political-Legal Patterns of Authoritarianism: M.D. Simashko's Novella "Emshan". *RUDN Journal of Law.* 30 (3), 515–527. (in Russian). https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-515-527 EDN: OPGHZL

Введение

Исследование произведений художественной литературы может представлять научный интерес для теории государства и права как науки, целью которой является получение истинных знаний о наиболее общих государственно-правовых закономерностях становления, развития и функционирования государства и права, социально-экономических, политических, нравственных и иных закономерностях, которые детерминируют развитие и функционирование государства и права[1], особое место среди которых занимают закономерности политического властвования и правового взаимодействия, выступающие предметом исследования лучших умов человечества, начиная с древнейших времен. Художественные тексты нередко обнажают те глубинные механизмы политической власти и общеобязательного нормативного регулирования, которые в научных работах традиционных жанров остаются скрытыми за абстрактными формулировками. Художественная литература позволяет увидеть право и государство не как идеальные конструкции, а как живые человеческие отношения, где правила творятся, применяются и нарушаются в конкретных исторических обстоятельствах и в судьбах конкретных людей. Как работают сила, право и «право силы» в различных ситуациях, как формируется лояльность правящей группы политическому лидеру, какое воздействие на личность оказывают социальные требования на высшем уровне политической власти – эти и многие другие вопросы подняты в повести советского казахского писателя Мориса Давидовича Симашко (1924–2000) «Емшан» (в некоторых изданиях – «Бейбарс»), написанной им в 1966 году. Произведение М.Д. Симашко о судьбе кипчакского мальчика, ставшего египетским султаном, является не только литературным памятником, но и источником политико-правовых идей о природе политической власти.

Современная теория государства, подробно исследуя форму государства, оставляет вне должного научного внимания его содержание, которое составляют действительные процессы взаимодействия политических элит, протекающие между незначительным числом властвующих индивидов и оказывающиеся скрытыми от всеобщего внимания. Художественная литература дает возможность в определенной степени восполнить этот пробел, позволяя увидеть в сюжете рассматриваемой повести государство не с позиций относительно статичной формы, а как живое, динамичное содержание, заключающееся во взаимодействии политических элит за осуществление своих интересов при помощи государственного аппарата и правовых норм.

[1] *Власенко Н.А., Гриб В.В., Малько А.В. [и др.]* Теория государства и права: учебник для бакалавров / под ред. В.В. Гриба, В.Ю. Панченко. Москва : Издательская группа «Юрист», 2021. С. 970–972.

Выявлению и систематизации политико-правовых закономерностей авторитарного типа политического правления (властвования, режима), отражённых в повести «Емшан», и демонстрации их значения для понимания универсальных механизмов политического господства авторитарного типа посвящено настоящее исследование.

Основная часть

Действие повести «Емшан» происходит в Египте XIII века, который в повести именуется страной Миср – так арабы называли средневековый Египет. Это была эпоха потрясений: с востока на исламский мир надвигались монголы, уже уничтожившие Багдадский халифат; с запада продолжались крестовые походы; старые династии теряли политическую власть, а новые формы организации власти только формировались. Именно в это время на политическую арену выходит фигура султана Бейбарса I, прозванного Абуль-Футухом – Отцом Победы, реального исторического деятеля, правившего Египтом с 1260 по 1277 год. Сюжет строится вокруг одного дня из жизни уже немолодого султана. Утром Бейбарса внезапно настигает забытое слово «Куке!», которое сжимает горло горькой тоской. В попытке понять природу этого слова он покидает свою Цитадель в Эль-Кахире (Каире) и скачет в пустыню. По пути он вспоминает этапы своего восхождения: детство в кипчакской степи, где монголы убили его отца (того самого «Куке»); рабство на галере, где он, убив Маленького, стал первым среди гребцов; продажу на невольничьем рынке и превращение в мамелюка на Острове – знаменитом острове Ар-Рауда на Ниле, где готовили воинов-рабов для султанской гвардии. Он вспоминает Мансуру, где бился с франками и получил шрам; интриги и убийства, приведшие его к трону; методичное уничтожение всех, кто был с ним рядом, включая последнего соратника Барата, которого он отравит сегодня вечером. Вернувшись в свой Розовый Дом к только что обесчещенной им девочке, Бейбарс наконец понимает смысл слова: «Куке» – это его отец, убитый монголами, это запах горькой степной травы емшан, запах родины, который он носил в себе всю жизнь, не осознавая этого. Осознание приходит вместе со слезами, и в этот момент он выпивает чашу с отравленным вином, приготовленным для Барата, – и умирает. Эпилог повести возвращает читателя в Красные Пески, где монголы уничтожают род Берш, а маленький мальчик, оставшись сиротой, плачет над телом отца, и это слово, «Куке», становится символом неуничтожимой человеческой памяти.

Исторический контекст появления Бейбарса на политической арене Египта важен для понимания тех закономерностей, которые позволили ему стать правителем. Мамелюкский султанат представлял собой уникальную политическую систему: власть принадлежала военной корпорации, формировавшейся из рабов, привозимых из разных земель – кипчакских степей, Кавказа, славянских территорий. Эти воины, лишённые корней в местном обществе, не имеющие ни отца, ни матери, полностью зависели от своего эмира и составляли идеальный инструмент политической власти. Система, которую Бейбарс не создал, но довёл до совершенства, обеспечивала постоянный приток свежих сил и предотвращала формирование наследственной аристократии. В таких условиях особое значение приобретали не наследственные права, а реальная способность правителя обеспечить защиту подданных, организовать эффективное управление и создать условия для выживания общества. Бейбарс, пройдя путь от раба до суверенного правителя огромной страны, воплотил в себе те качества, которые становились востребованными в эпоху кризиса: беспощадность, соединённая с политической мудростью, способность принимать быстрые решения

и нести за них ответственность, умение выбирать соратников и своевременно избавляться от тех, кто становится опасным.

Исследование повести позволяет выявить ряд закономерностей авторитарного типа политического правления.

Во-первых, обретение и удержание власти только через обладание силой и ее применение. Жизненный путь Бейбарса – это непрерывная борьба за существование, где побеждает тот, кто готов убить первым. Начало этому было положено ещё на галере, куда его приковали цепью: «Их было по четыре на весле – по двенадцать рядов с обеих сторон. Там, где сходились широкие доски, был помост, на котором сидели пристегнутые к длинной цепи запасные гребцы» (Simashko, 1966). Именно здесь, в трюме, среди нечистот и постоянного голода, формируется его понимание справедливости как права сильного. Ключевой момент такого становления – убийство того, кто был рядом, и поедание его хлеба: «В первый раз он задушил того, который был рядом, и съел его хлеб» (Simashko, 1966). В этом эпизоде просматривается принцип: обязательные правила – это то, что исходит от сильного. Далее этот опыт только укрепляется: «Те, что рядом, были враги, вырывающие еду. Нужно было отбирать еду у других. Он убивал, потому что не отдавали» (Simashko, 1966). Став султаном, Бейбарс переносит эту логику на управление всей страной Миср. Для него отношения власти – это вечная схватка хищников, где слабый обречён на подчинение. Поэтому он создает для подданных непреодолимую дистанцию: «Собаки боятся орла, пока видят только его тень» (Simashko, 1966).

В свете концепции отклоняющегося государства, восходящей к Аристотелю и развитой в современных государствоведении и юриспруденции Н.А. Власенко, который определяет отклоняющееся государство как не реализующее заложенный в нём положительный потенциал, сводящееся, по существу, к политической власти, основанной на аппарате принуждения, и не выполняющее свои функции либо выполняющее их некачественно (Vlasenko, 2026), государство Бейбарса выступает ярким примером отклоняющейся государственности. Сущность такого государства заключается не в достижении общесоциальных целей всех людей, объединенных политической властью, а в борьбе за удержание доминирующего положения единоличного суверена с опорой исключительно на силу. «Право силы», продемонстрированное на галере, становится основой государственного механизма, сам суверен действует в целях достижения и удержания политической власти, принуждение носит селективный характер и направлено на устранение конкретных угроз власти султана. Описанное в повести государство Бейбарса – инструмент персонального доминирования, прямо противоречащее аристотелевской идее государства как формы общения ради благой жизни.

Во-вторых, закономерностью функционирования политической власти авторитарного типа выступает создание и воспроизводство замкнутой политической элиты, полностью зависящей от правителя и лишённой корней в обществе. Такой элитой у Бейбарса становятся мамелюки – воины-рабы, купленные на невольничьих рынках, привезённые из-за моря, лишённые каких-либо связей с местным населением. Идеальный мамелюк – это человек, у которого нет ничего, кроме его принадлежности к воинскому братству и преданности султану: «Крепких мальчиков от мамелюков забирают в эти дома, чтобы не знали они отца и матери, которые делают человека слабым» (Simashko, 1966). Особое значение при авторитаризме приобретают символы и ритуалы. Браслет, накованный под «семиствольным деревом на Острове», становится не просто украшением, а сакральным знаком принадлежности:

«Султанский браслет на руке должен всегда быть связан с деревом, которое снится. Тогда распилить его будет трудно, как это дерево» (Simashko, 1966). Бейбарс хорошо понимает психологическую потребность человека в принадлежности к социальной группе: «Мамелюки – люди, им нужны еда, одежда и родина. Необходимо удовлетворить их потребность в гордости. Просто кусок земли не может быть родиной. Для этого нужно зеленое дерево, чтобы оно им снилось» (Simashko, 1966). Такая символическая замена – важнейший механизм легитимации власти и контроля.

С позиции содержания государства, понимаемого как непрерывное динамичное взаимодействие политических элит (прежде всего борьба, конкуренция) – групп наиболее влиятельных лиц, осуществляющих свои интересы при помощи государственного аппарата и юридических норм (Malko & Panchenko, 2024), мамелюкская гвардия предстаёт как инструмент в руках политической элиты, олицетворяемой единоличным правителем, политическая элита в условиях автократии сведена к одному человеку – султану, а в отношении остальных «влиятельных лиц» реализуется стратегия лишения самостоятельной субъектности, подавления и превращения в объекты воли политического лидера. Они рекрутированы из полностью зависимой и искусственно созданной социальной группы, лишены традиционных социальных корней (семьи, племени, родины), не имеют иного источника идентичности и статуса, кроме как служение султану, интересы полностью конструируются и удовлетворяются правителем, что свидетельствует о тенденции исключения возможностей для внутриэлитной политической конкуренции, предполагающей определенную степень автономных ресурсов (земельная собственность, наследственные права, поддержка местных кланов и т.д.). Такой механизм формирования политической элиты является характерной чертой структурно-содержательных отклонений государства, при которых реальная власть сосредоточивается в исполнительных учреждениях и лично у правителя, а все остальные институты (включая элиту) становятся лишь проводниками этой воли (Vlasenko, 2026).

В-третьих, авторитарная политическая власть нуждается в подтверждении своей легитимности через внешнеполитические успехи и военные победы. Бейбарс становится Абуль-Футухом – Отцом Победы – после разгрома монголов при Айн-Джалуте в 1260 году. Эта победа имеет не только военное, но и огромное символическое значение: он останавливает монголов, которые до этого считались непобедимыми. Бейбарс победил монголов их же оружием, их же тактикой, их же психологией, оказался сильнее, потому что смог стать таким же, как они, – безжалостным, целеустремлённым, идущим прямо. После победы он совершает символический акт: «И собрал он все отрезанные головы и построил из них красную пирамиду на высоком берегу Евфрата» (Simashko, 1966). Эта пирамида из голов – не просто жест жестокости, но политическое заявление, адресованное и монголам, и собственным подданным, и всему миру: здесь такая власть, которая не знает пощады. Каждая новая победа укрепляет его авторитет и доказывает, что он действительно избранник судьбы, что высшие силы на его стороне. Необходимость авторитарной политической власти в постоянном подтверждении своей легитимности через внешнеполитические успехи и военные победы следует оценивать как проявление функциональных отклонений государства, когда государство, не способное или не желающее решать внутренние социально-экономические задачи (бедность, рождаемость, развитие инфраструктуры – «вечные болезни общества»), вынуждено компенсировать свою внутреннюю неэффективность и нелегитимность внешними успехами, военными победами, созданием образа внешнего врага (Vlasenko, 2026).

Пирамида из голов – своеобразный символ такой компенсаторной легитимации, которая призвана заменить отсутствие реальной заботы о благосостоянии подданных демонстрацией силы и устрашения. В логике отклоняющегося государства, Бейбарс, будучи узурпатором и чужаком, не имеющим традиционных династических прав, может обосновать своё господство только непрерывным подтверждением своей политического лидерства харизматического типа через победы, что, в свою очередь, делает его заложником перманентной войны.

В-четвертых, закономерностью функционирования авторитарной политической власти является систематическое уничтожение ближайших соратников, которые рассматриваются как потенциальная угроза. Бейбарс последовательно и методично уничтожает всех, с кем начинал свой путь, – не потому, что они совершили какие-то преступления, а потому, что «пришло их время». Вспоминая своё прошлое, Бейбарс перечисляет: «Длиннорукий Барат по его знаку убил одного за другим всех эмиров, которые были с ним в Мансуре... И многих других убил он, время которых пришло» (Simashko, 1966). Особенно показателен случай с Турфаном. Бейбарс забирает у него дочь, прекрасно понимая, что это оскорбление будет воспринято как смертельный вызов, и сразу после этого приказывает убить Турфана. Мотивировка при этом даётся совершенно откровенная: «Давно отстранил от себя он Турфана. Но львы, ставшие собаками, видят неправильные сны» (Simashko, 1966). Кульминацией этого процесса становится убийство Барата, последнего из «девяти», прошедшего с Бейбарсом огонь и воду, спасшего ему жизнь в бою с монголами: «Прямо смотрел длиннорукий Барат, который был Раисом Острова, но утром он смотрел в сторону. И Бейбарс сделал знак черному рабу. И принес черный раб высокую золотую чашку с красным александрийским вином. Взял он у раба чашку, и передал Барату, и сощурил глаза. И Барат выпил красное вино, потому что пришло его время» (Simashko, 1966).

Последовательное уничтожение ближайших соратников единоличного политического лидера наблюдается в авторитарных режимах на протяжении всей истории – от древних деспотий до современных диктатур и не является проявлением личной жестокости или болезни психики правителя. Классиками политико-правовой мысли давно замечено, что эта закономерность коренится в самой логике удержания и воспроизводства неограниченной власти. Н. Макиавелли прямо предупреждал правителя об опасности, исходящей от «слишком облагодетельствованных» им людей (Machiavelli, 1869) и рекомендовал, что «государю не следует так приближать своих друзей к престолу, чтобы кроме него им нечего было бы желать» (Machiavelli, 1869), ибо в противном случае удивляться их заговору не приходится. Поэтому когда «пришло их время» – как говорится в истории о Бейбарсе – даже верные соратники, спасшие жизнь правителю, становятся обреченными. Та же логика присутствует и в рассуждениях Ж. Бодена, который указывал на сознательное использование конфликтов внутри правящей элиты как инструмент управления: правителю выгодно, чтобы высшие сановники находились в ссоре, ибо это позволяет им контролировать друг друга и не допускать объединения против суверена, и приводил пример Ликурга, который намеренно отправлял вместе в другие государства послов, враждующих между собой (Bodin, 1606). В деспотической системе неизбежно то, что любой влиятельный сановник, даже из числа самых доверенных, воспринимается как угроза. Полибий, описывая вырождение царской власти в тиранию, отмечал, что правители, получив власть по наследству, предаются излишествам, они вызывают ненависть не у простого народа, а именно у «благороднейших, гордых и отважнейших», которые и начинают козни, и страх правителя перед такими людьми, знающими его тайны и

имеющими собственный авторитет, только усиливается. Полибий так формулирует закономерность авторитарного типа политического правления: власть возрастает, а безопасность уменьшается вплоть до самого деспота, в лице которого крайняя степень власти соединяется с крайней степенью опасности (Polybius, 1994).

Ш.Л. Монтескье указывал, что принципом деспотического правления является страх, причем страх всеобъемлющий: подданные боятся правителя, но и правитель боится всех, кто не является ничтожным; в деспотическом государстве «каждый должен понимать, что для него лучше, если должностные лица вовсе не будут знать о его существовании, и что безопасность его личности зависит от ее ничтожества» (Montesquieu, 1955). Любой, кто обладает реальным влиянием, популярностью в войсках или просто выдающимися заслугами (как Барат, спасший Бейбарса в бою с монголами), автоматически попадает в категорию опасных. Поскольку в деспотиях закон есть лишь воля государя, то «чиновник… руководствуется собственной волей… так как закон есть непредвиденное проявление воли государя, то необходимо, чтобы проявление воли тех, которые желают за него, было таким же быстрым и внезапным» (Montesquieu, 1955), тем самым теоретическое обоснование получают внезапные казни в политической «без суда и следствия».

Т. Гоббс подчеркивал опасность для государства, когда «частные лица начинают соперничать по своей популярности с самим сувереном», отмечая при этом, что подкуп таких людей дает обратный эффект: «ибо стоит утихомирить наградами одного популярного человека, как под влиянием примера появляется много других, совершающих то же зло» (Hobbes, 1936), отсюда единственным надежным способом нейтрализации популярного соратника политического лидера в рассматриваемом типе политического правления является его физическое устранение.

Г. Моска описывает, как верховный правитель формирует «правящую клику» из людей, связанных с ним узами «соучастия в сомнительных актах или в действительных преступлениях» (Mosca, 1994), однако по мере укрепления власти старые сообщники, знающие слишком много и имеющие собственные амбиции, становятся не нужны. Г. Моска вводит понятие «старения» правящего класса, когда он перестает обновляться и привлекать «новую кровь» (Mosca, 1994): чтобы государство не пришло в упадок, этот класс должен постоянно изменяться, но для старых членов такое изменение часто означает физическое удаление (Mosca, 1994). Именно этим объясняется в истории Бейбарса методичное уничтожение «девяти» – тех, кто начинал с ним путь, а когда эти люди сами начинают представлять угрозу, их «время приходит».

Отсюда последовательное уничтожение Бейбарсом своих ближайших соратников – Барата, Турфана и других – является не актом бессмысленной жестокости, а рациональной, хотя и циничной, практикой удержания авторитарной власти, в которой проявляется отмеченная закономерность как необходимость устранять тех, кто обладает слишком большим влиянием, использовать и впоследствии подавлять конфликты внутри политической элиты, порождающая в том числе «параноидальную логику деспотии», где безопасность человека обратно пропорциональна его значимости. Поэтому образные выражения «львы, ставшие собаками, видят неправильные сны» и «пришло их время» – метафоричные выражения, за которыми кроется реальная политическая деятельность в условиях деспотий.

В-пятых, для обеспечения существования авторитарная политическая власть нуждается в праве как системе общеобязательных предписаний, обеспеченных высшей властью и силой, несмотря на отрицание или заимствование общеобязатель-

ных правил, созданных предшественниками. Бейбарс восстанавливает систему, существовавшую при старом султане Салихе, понимая, что в эпоху перемен «право не утрачивает своей функции, его форма в основе своей также сохраняется, а существенно меняется лишь содержание» (Vetyutnev, 2008:38). Он возвращает мамелюкам браслеты на левую руку – символ их принадлежности к воинскому братству, их особого статуса; определяет иерархию: красные сапоги для эмиров тысячи, синие для эмиров сорока, серые для рядовых воинов; устанавливает правила, регулирующие все стороны жизни мамелюков. При этом вся система общеобязательных правил направлена на воспроизводство той особой культуры, которая делает мамелюков эффективной военной силой и одновременно надёжной опорой политического лидера. Система права носит ярко выраженный сословный характер: для мамелюков одни законы, для «людей страны Миср» – другие. Для авторитаризма характерно исключительно инструментальное отношении правителя к праву как к средству управления, но не как к самоценности. Для Бейбарса право не является чем-то священным и незыблемым, это просто инструмент, который можно использовать для достижения целей. Он меняет законы, когда это ему выгодно, он создаёт новые правила, когда старые перестают работать, он жестоко наказывает за их нарушение, но только тогда, когда это нарушение угрожает его власти. Особенно ярко это инструментальное отношение к праву проявляется в эпизоде с братом халифа. Котуз бросил его в яму, а Бейбарс выпускает и сажает на ковёр, объявляя братом халифа правоверных. При этом он сам сомневается в его подлинности, но понимает, что для легитимации его власти этот символ нужен: «Пусть в Эль-Кахире будет их бог» (Simashko, 1966).

В-шестых, авторитарный политический лидер вынужден подавлять в себе человеческие чувства и, как следствие, оказывается субъективно одиноким. Бейбарс, достигнув вершины политической власти, ощущает себя в полной изоляции, не может доверять никому, даже самым близким соратникам, потому что знает: любой из них при случае займёт его место; не может иметь друзей, потому что дружба предполагает равенство, а на высшем уровне политической власти равенства быть не может; не может любить, потому что любовь делает его слабым. Авторитарный политический лидер, достигнув вершины власти, неизбежно оказывается в состоянии глубокой субъективной изоляции и вынужден подавлять в себе человеческие чувства, поскольку любое проявление доверия, дружбы или любви делает его уязвимым перед лицом постоянной угрозы – как извне, так и изнутри собственного окружения. Как подчеркивал Н. Макиавелли, правитель, желающий сохранить власть, не может руководствоваться обычными человеческими добродетелями, а должен обладать «великим искусством притворства»; действительное же «обладание этими качествами (милосердием, человеколюбием, искренностью) вредно для личного блага государей, притворство же и личина обладания ими – чрезвычайно полезны». Н. Макиавелли утверждал, что «государь не должен бояться осуждения за те пороки, без которых невозможно сохранение верховной власти», а «люди обыкновенно скорее прощают и забывают даже смерть своих родителей, чем потерю состояния», поэтому правитель не может рассчитывать на личную преданность – любой соратник ради выгоды готов его предать. Отсюда Н. Макиавелли делал вывод о полезности держать подданных в страхе, нежели культивировать чувство любви к политическому лидеру, которая «обыкновенно держится на весьма тонкой основе благодарности» (Machiavelli, 1869) и делает правителя слабым и зависимым от других, тогда как страх обеспечивает его самостоятельность. Именно поэтому Бейбарс, достигнув вершины, не может иметь друзей: дружба предполагает равенство, а на высшем

уровне политической власти при авторитарном типе политического правления такового быть не может.

В-седьмых, условием эффективного авторитарного правления является умение правителя заимствовать лучшие практики у врагов и адаптировать их к условиям собственного государства, сохраняя баланс между традицией и новаторством. У франков Бейбарс перенимает приёмы осады крепостей, но при этом критически оценивает их культуру, видя в излишней цивилизованности причину их слабости; у монголов он перенимает тактику массированного применения конных лучников, их умение идти прямым путём, не отвлекаясь на сомнения. Способность учиться у врагов проявляется и в его отношении к генуэзцу Джакомо, который привозит в Египет мрамор и интересуется арабской наукой. Бейбарс смотрит на него с высоты своего опыта: «И он понял, что такое гуманус и культура, о которых говорил ему генуэзец Джакомо в кожаных штанах. Это писк суслика, который не услышал он отсюда» (Simashko, 1966).

В-восьмых, действенным средством обеспечения легитимации авторитарной власти является личный пример правителя, его способность разделять с воинами все тяготы и опасности. Бейбарс не требует от других того, чего не делает сам. Он ест ту же пищу, что и его воины, он спит на том же войлоке во время походов, он первым идёт в атаку и последним отступает. Этот личный пример создаёт ту харизму, ту ауру непобедимости, которая заставляет мамелюков идти за ним в огонь и в воду. В бою под Мансурой, когда франки начали лить масло под ноги, он упал, и копьё франка уже было направлено в него, но Турфан бросил камень в голову франка, а Барат отрубил ему голову. Бейбарс получил шрам, но выжил. Эта готовность рисковать жизнью наравне с простыми воинами создаёт тот образ, который делает его лидером. Еще Ксенофонт Афинский в «Киропедии» прямо предписывал политическому руководителю «быть первым в труде и в перенесении лишений», поскольку подчиненные охотнее следуют за тем, кто сам подает пример (Xenophon, 1976). Много позже в теории легитимности М. Вебера харизматическое господство прямо связывает легитимность вождя с его способностью демонстрировать «внеобыденный личный дар», который признается последователями и обеспечивается «верой в него» (Weber, 1990). Харизматический лидер не может опираться только на традицию или закон, а должен постоянно доказывать свою силу, в том числе через личную храбрость и готовность делить с воинами опасности. Если личный пример правителя, разделяющего тяготы и опасности с подданными, является действенным средством легитимации авторитарной власти, то противоположное поведение – демонстрация роскоши, трусости, нежелание рисковать, пренебрежение к нуждам воинов и народа – ведёт к противоположным результатам. В этом случае власть утрачивает харизматическую основу, легитимность снижается, и правитель сталкивается с ненавистью, презрением, заговорами и иными угрозами.

В-девятых, закономерностью авторитарной политической власти является проблема преемственности и невозможность создать устойчивый механизм ее передачи. Бейбарс создаёт мощную систему, но он не может создать механизм передачи политической власти, который гарантировал бы её сохранение после его смерти. Он убивает всех возможных претендентов, всех, кто слишком долго был рядом, но тем самым он оставляет после себя вакуум власти, он понимает это, но ничего не может изменить – такова природа авторитарной власти, которая держится на личности правителя и разрушается, когда этой личности не становится. «И как жил он, так и умер – чтобы не знали, где его могила. В Дамаске показывают ее, и в Эль-Кахире,

и в других местах» (Simashko, 1966). Тайна его могилы – это тоже попытка сохранить некоторую иллюзию контроля после смерти. Проблема преемственности – имманентная черта авторитарной власти. Держась на личности правителя, на его харизме, на его способности личным примером и силой удерживать подчинённых в повиновении, при отсутствии устойчивых институтов, которые воспринимаются в качестве угроз. Бейбарс убивает всех, кто мог бы занять его место, и тем самым обрекает свою систему на разрушение после его смерти. Как метко указал Н. Макиавелли, «государь, вновь получающий власть, встречает врагов во всех тех, кому жилось хорошо при прежних порядках» (Machiavelli, 1869), но после его смерти врагами становятся даже те, кто был ему верен.

В финале повести автор дает морально-нравственную оценку, подводящую итог всему повествованию, которая заключается в том, что память, человечность, связь с прошлым в конечном счёте оказываются сильнее любой власти. Эпилог повести переносит читателя в Красные Пески, в те самые степи, откуда родом Бейбарс. Монголы нападают на маленький род Берш, убивают мужчин, уводят женщин и скот. Среди убитых – отец маленького мальчика. Старики засыпают мёртвых красным песком и жгут горькую траву емшан. «Тихо шли они, и только мальчик на руках у одной старухи все плакал и тянул назад руки: „Ку-у-ке-е!..“ Так слово победило человека» (Simashko, 1966). Этот эпилог придаёт всей истории Бейбарса совершенно иное измерение – его жизнь, его победы, его власть – всё это оказывается вторичным по сравнению с тем простым фактом, что он был когда-то тем самым мальчиком, который плакал над телом отца. Слово «Куке», которое он носил в себе всю жизнь, не осознавая этого, оказалось сильнее всех его деяний. Память о родине не может быть уничтожена никакой властью[2].

Заключение

Повесть Мориса Симашко «Емшан» представляет собой не только художественное повествование о средневековом Египте, но и глубокое философско-правовое исследование природы авторитарной политической власти. В истории Бейбарса отражены универсальные закономерности политического властвования авторитарного типа, которые сохраняют свою актуальность и в наши дни: власть в своей основе имеет право силы, проистекающее из опыта выживания в экстремальных условиях; эффективная авторитарная власть требует создания замкнутой элиты, полностью зависящей от правителя и лишённой корней в обществе; легитимность такой власти должна постоянно подтверждаться военными победами и внешнеполитическими успехами; авторитарная власть неизбежно требует систематического уничтожения ближайших соратников; для стабильности системы необходимо право как инструмент управления; следствием авторитарной системы является отчуждение правителя и его субъективное одиночество; эффективное правление требует умения учиться у врагов, сохраняя баланс между традицией и новаторством; личный пример авторитарного правителя выступает основой его харизмы; авторитарная власть часто неспособна создать устойчивый механизм преемственности и обречена на кризис после смерти правителя.

Герой повести – Бейбарс – платит за власть высшую цену: он теряет себя, свою человечность, свою память. Но память возвращается к нему в последний момент, и это возвращение оказывается смертельным. Яд власти, которым он отравлял других,

[2] *Брусиловская Е.* Звездный путь Мориса Симашко // Казахстанская правда. 2021. 2 апреля. URL: https://kazpravda.kz/n/zvezdnyy-put-morisa-simashko/ (дата обращения: 12.02.2026).

в конце концов поражает его самого. В этом – глубокий гуманистический смысл повести: никакая власть не стоит того, чтобы платить за неё человеческой душой. Горькая трава емшан, запах которой не может забыть человек, напоминает нам о том, что действительно важно в жизни, – о доме, о семье, о любви, о тех простых вещах, которые никакая власть не может дать и которые никакая власть не может отнять.

References / Список литературы

Bodin, J. (1606) *The six bookes of a commonweale.* Trans. Knolles, R. London, Impensis G. Bishop.

Hobbes, T. (1936) *Leviathan, or the Matter, Form and Power of a Commonwealth, Ecclesiastical and Civil*. Moscow, Sotsehkgiz Publ. (In Russian).
Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / предисл. и ред. А. Ческиса. Москва : Соцэкгиз, 1936. 503 с.

Machiavelli, N. (1869) *The Prince (Il principe) and discourses on the first three books of Titus Livy*. Trans. Kurochkin, N. Saint-Petersburg, Russian Book Trade Printing House of Tiblen & Co. (Neklyudov). (In Russian).
Макиавелли Н. Государь (Il principe) : и рассуждения на первые три книги Тита Ливия / пер. с итал. под ред. Н. Курочкина. Санкт-Петербург : Издание Русской Книжной Торговли, в типографии Тиблена и Ко. (Неклюдова), 1869. 502 с.

Malko, A.V. & Panchenko, V.Yu. (2024) Contents of the State: Controversial Issues. *Legal Science.* (1), 42–46. (In Russian). EDN: YNSJHT.
Малько А.В., Панченко В.Ю. Содержание государства: дискуссионные вопросы // Юридическая наука. 2024. № 1. С. 42–46. EDN: YNSJHT.

Montesquieu, Ch. (1955) *Selected Works*. Moscow, Gospolitizdat Publ. (In Russian).
Монтескье Ш. Избранные произведения / общ. ред. и вступ. ст. М.П. Баскина, примеч. Р.С. Миндлиной. Москва : Госполитиздат, 1955. 800 с.

Mosca, G. (1994) The Ruling Class. *Sotsis.* (10), 187–198. (In Russian).
Моска Г. «Правящий класс» // Социс. 1994. № 10. С. 187–198.

Polybius. (1994) *Universal History in 40 books. Vol. 1, Books I–V*. Trans. Mishchenko, F.G. Saint-Petersburg, Nauka, St. Petersburg Branch; Yuventa Publ. (In Russian).
Полибий. Всеобщая история: в 40 книгах. Т. 1, Кн. I–V / пер. с греч., предисл., примеч. Ф. Г. Мищенко, отв. ред. А. Я. Тыжов. Санкт-Петербург : Наука, Санкт-Петербургское отд-ние : Ювента, 1994. 495 с.

Simashko, M.D. (1966) Emshan. In: *Tales of the Red Sands.* Alma-Ata, Zhazushy Publ., pp. 5–223. (In Russian).
Симашко М.Д. Емшан // Повести Красных Песков. Алма-Ата : Жазушы, 1966. С. 5–223.

Vetyutnev, Yu.Yu. (2008) Law and Revolution: The Victory of Form over Content? *Philosophy of Law.* 1 (26), 34–38. (In Russian). EDN: MVYLSX.
Ветютнев Ю.Ю. «Право и революция: победа формы над содержанием?» // Философия права. 2008. № 1 (26). С. 34–38. EDN: MVYLSX.

Vlasenko, N.A. (2026) *Foundations of the Theory of Deviant State.* Moscow, KNORUS Publ. (In Russian).
Власенко Н.А. Основы теории отклоняющегося государства. М. : КНОРУС, 2026. 128 с.

Weber, M. (1990) *Selected Works*. Moscow, Progress Publ. (In Russian).
Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. ; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова, предисл. П.П. Гайденко, коммент. А.Ф. Филиппова. Москва : Прогресс, 1990. 804 с.

Xenophon. (1976) *Cyropaedia*. Moscow, Nauka Publ. (In Russian).
Ксенофонт. Киропедия / изд. подгот. В. Г. Борухович и Э. Д. Фролов. Москва : Наука, 1976. 347 с.

Сведения об авторах:

Альбов Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России); Российская Федерация, 117638, г. Москва, ул. Азовская д. 2, корп. 1; профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Российская государственная академия интеллектуальной собственности; Российская Федерация, 117279, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55А

ORCID: 0000-0003-1716-0177; SPIN-код: 4604-4050

e-mail: aap62@yandex.ru

Панченко Владислав Юрьевич – доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории, истории государства и права, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России); Российская Федерация, 117638, г. Москва, ул. Азовская д. 2, корп. 1; профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Российская государственная академия интеллектуальной собственности; Российская Федерация, 117279, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55А; профессор, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний; Российская Федерация, 654066, г. Новокузнецк, пр. Октябрьский, д. 49; главный научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний; Российская Федерация, 125130, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1; главный научный сотрудник, Сибирский федеральный университет; Российская Федерация, 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79

ORCID: 0000-0003-3303-2941; SPIN-код: 5096-0428

e-mail: panchenkovlad@mail.ru

Пузанкова Елена Николаевна – доктор педагогических наук, профессор, Российская государственная академия интеллектуальной собственности; Российская Федерация, 117279, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55А

SPIN-код: 8762-7552

e-mail: e.puzankova@rgiis.ru

About the authors:

Alexey P. Albov – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Department of Theory, History of State and Law, All-Russian State University of Justice; Bld. 1, 2 Azovskaya str., Moscow, 117638, Russian Federation; Full Professor, Department of Civil and Business Law, Russian State Academy of Intellectual Property; 55A Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117279, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-1716-0177; SPIN-code: 4604-4050

e-mail: aap62@yandex.ru

Vladislav Yu. Panchenko – Doctor of Legal Sciences, Head of the Department of Theory, History of State and Law, All-Russian State University of Justice; Bld. 1, 2 Azovskaya str., Moscow, 117638, Russian Federation; Full Professor, Department of Civil and Business Law, Russian State Academy of Intellectual Property; 55A Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117279, Russian Federation; Full Professor, Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia; 49 Oktyabrsky Ave., Novokuznetsk, 654066, Russian Federation; Chief Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service; Bld. 1, 15a Narvskaya str., Moscow, 125130, Russian Federation; Chief Researcher, Siberian Federal University; 79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-3303-2941; SPIN-code: 5096-0428

e-mail: panchenkovlad@mail.ru

Elena N. Puzankova – Doctor of Pedagogical Sciences, Full Professor, Russian State Academy of Intellectual Property; 55A Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117279, Russian Federation

SPIN-code: 8762-7552

e-mail: e.puzankova@rgiis.ru